

АНИК-ДЖАН

Из летописи военных лет

Зимой нынешнего года я приезжала в Ереван. Город был заснежен, и вечеру тротуары покрывались тонкой пленкой льда, точно на них расстилали целлофановые дорожки. Из окна моего номера на двенадцатом этаже гостиницы «Ани» было видно много улиц, залитых разноцветными огнями. Город был праздничный, радостный. Я любовалась им и радовалась своему приезду в Армению.

Обычно воспоминания начинаются с тоненькой ниточки; дернет кто-то за нее — и покатится весь клубок.

Так было и тогда. В коридоре женский голос ласково позвал: — Аник-джан, Аник-джан! Где слышала я это имя в таком сочетании слов? И сейчас же память развернула клубок воспоминаний, и точно приблизились далекие годы Великой Отечественной войны, из них выглянуло юное девичье лицо, обрамленное волнистыми волосами, и большие, большие темные глаза...

Аник-джан! Первая встреча с ней произошла в лесах Польши, в одной из воинских частей. Там выступала в течение недели наша фронтовая концертная бригада.

Однажды после концерта на лесной поляне ко мне подошла тоненькая девушка в пилотке на черных вьющихся волосах, в зеленом маскировочном комбинезоне, туго перетянутом ремнем, с винтовкой на плече.

— Вы армянка? — спросила меня девушка.

— Отец мой армянин, — ответила я ей.

— И я армянка, — сказала девушка и тут же быстро представилась: Я — Аник Бабалян, снайпер. Я очень люблю стихи, а вы хорошо их читали сейчас. Вы читаете стихи армянских поэтов?

Я призналась, что в моем фронтовом репертуаре нет таких стихов.

— Жаль, — сказала Аник и, улыбаясь, добавила: — Хо-

тите, я вам прочту стихи? Отойдете вон к тем деревьям.

Странно тогда было слышать стихи Египше Чаренца из уст девушки в военной форме. Читала Аник вдохновенно и, вместе с тем, просто и искренне. Стихи взволновали и меня и ее.

— Вот война закончится, — сказала я, — наверное, станешь актрисой. Об этом мечтаешь?

Аник отрицательно качнула головой.

— Нет, я хочу быть архитектором. А стихи меня старший брат научил любить. Он был студент филологического...

Не закончив фразы, Аник повоенному подтянулась и бросила: — Мне пора. — Повернулась и скоро исчезла в лесу.

— Наш лучший снайпер, — сказал, подходя, капитан Кузьмин, издали наблюдавший за нами. — Аник из Армении. Ушла на фронт после гибели младшего из братьев. А старший ее брат, Хачик, был в нашем подразделении, погиб недавно на глазах у сестры. Трудно ей сейчас.

Мы были в этой воинской части еще несколько дней. Аник со своей верной винтовкой уходила на очередное задание. Каждый раз я с тревогой ждала ее возвращения. Она приходила побледневшая, осунувшаяся, со сдвинутыми сурово бровями.

За погибших братьев и товарищей, за муки осиротевшей матери, за свою залитую кровью страну мстила эта тоненькая девушка, с беспощадной точностью каждый день увеличивая снайперский счет.

Потом мы неожиданно уехали, и я не успела проститься с Аник: А через месяц я попала в госпиталь, который располагался в чудесном парке, в местечке Наленчув.

Однажды ночью фашисты сильно обстреляли соседнюю

деревню и оттуда привезли много раненых поляков. И среди них была... Аник. Ее ранило осколком в бедро. У нее оказались обожженными руки, волосы. Аник была в сознании, узнала меня. Еле шевеля потрескавшимися губами, сказала:

— Когда понесут в операционную, проводите меня.

Ее несли на носилках через парк. Глаза, казалось, стали еще больше. Она смотрела на звездное небо.

— Красиво как, — сказала Аник едва слышно. — Но у нас дома звезды ярче и небо как бархат. Увижу ли я наше небо?

Я шла рядом с носилками, чуть касаясь плеча раненой. Когда ее внесли в операционную, она попыталась улыбнуться, но боль исказила лицо. Я прислонилась к толстому стволу липы и смотрела на дверь, которая закрылась за Аник. Вернувшись в палату, я ждала ее возвращения. Ночь, полная тревожных звуков, тянулась медленно. Иногда с натужным гулом пролетали над госпиталем немецкие самолеты. На полу, на носилках лежала старуха-полька. Она все время стонала и просила пить.

А Аник все не несла. Я лежала без сна, прислушиваясь к каждому шороху. Наконец, часа через три, послышались осторожные шаги. Аник внесли на носилках и положили на кровать. Она была еще под наркозом. Я хотела подняться, но врач, Лидия Сергеевна, сердито замаячила на меня руками, приказывая лежать. Около Аник села уставшая медсестра с покрасневшими от бессонницы глазами.

Она поминутно проверяла пульс и держала наготове шприц. Все остальные — врач и старшая медсестра — ушли.

Ночь близилась к концу.

На рассвете я задремала, но вскоре меня разбудила польская речь. У раскрытого окна нашей палаты стоял поляк, держа на руках девочку лет трех с забинтованной головкой. На ломаном языке, мешая польские и русские слова, он пытался что-то объяснить. В его речи часто упоминалась «Пани Анике». К нему подошла медсестра, и они о чем-то тихо поговорили. Поляк горестно покачал головой и удалился, прижимая к себе ребенка.

Потом я узнал, что эту девочку Аник вынесла из горящей хаты и тут же на пороге была ранена, прикрывая собой ребенка.

Через два дня я уезжала в другой госпиталь. Подошла проститься с Аник. Она меня не узнала: лицо ее горело, глаза смотрели мимо меня, она бредила, звала мать, вспоминала подруг.

— Лидия Сергеевна, будет жить Аник? — спросила я у врача.

— Нужно надеяться. Ранение не очень тяжелое, но боюсь, что начинается газовая гангрена. Будем надеяться.

Больше я не видела Аник и не была в тех местах, где стояла ее воинская часть.

...«Аник-джан!», — опять настойчиво позвал кто-то в коридоре гостиницы. Я невольно рванула дверь и выбежала в коридор. Около зеркала стояла очень молоденькая, очень модная девушка в изящных брючках, а мать звала ее подойти к дежурной. Обе они были мне неизвестны. Я вернулась в номер. А может быть, она осталась жива, та, моя, далекая Аник, и у нее теперь такая же дочь или сыновья? Какая она теперь? А может быть, так и не успела постареть и осталась в памяти людей навсегда юной девушкой-воином и однополчане ее в своих воспоминаниях по-прежнему называют Аник-джан?

Мария СПЕНДИАРОВА.